

нациями городская проза Курочкина за-долго предвосхитила волну сорокалетних...

Судьба жестоко распорядилась с писателем. За семь лет до смерти он перенес кровоизлияние в мозг, после чего уже не мог ни писать, ни читать, ни говорить. Незаконченной осталась его главная повесть о войне — «Двенадцать подвигов солдата». В 1976 году его не стало.

Что за странная писательская судьба! И сколько таких вот судеб уже было в России! Чего-то в ней трагически не хватает, логики, что ли, или, может, завершенности. Очень она напоминает мне судьбу другого писателя — однокашника Курочкина по Литинституту Юрия Казакова. Идут годы, а книги Казакова и Курочкина зачитываются до дыр, и значение их как-то незаметно растет. Незаметно оказался классиком Ю. Казаков. Незаметно, неброско, но, если приглядеться, настойчиво восходит в нашей литературе имя — Виктор Курочкин.

Павел Басин.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА. СОТРУДНИКИ. ДРУЗЬЯ. ПОЧИТАТЕЛИ. Сборник статей. Париж. 1987. 158 стр.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ. ЖУРНАЛЫ И СБОРНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. 1920—1980. Сводный указатель статей. Париж. 1988. 661 стр.

В своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург рассказал о Русской общественной библиотеке в Париже, которая существовала там с 1875 года.

Тургенев, живший в Париже, горячо откликнулся на призыв Г. Лопатина, первого переводчика «Капитала» на русский язык, который жаждал чем-то помочь своим соотечественникам из числа революционно настроенной молодежи, осевшим во Франции. Для многих из них доступ к высшему образованию в России был закрыт из-за полицейских репрессий. Автор «Отцов и детей» материально поддержал новое детище, снабдил библиотеку собственными книгами, помог наладить связь с отечественными издателями, откуда на парижский адрес стала поступать русская периодика. После смерти писателя библиотеке было присвоено его имя.

Услугами Тургеневки пользовались представители нескольких поколений русской революционной эмиграции. К ее помощи прибегал и сам Эренбург в пору студенческой юности, прошедшей на берегах Сены. В своих мемуарах он упомянул и о дальнейшей драматической судьбе этой уникальной библиотеки. В начале второй мировой войны, свидетельствует автор воспоминаний, многие русские писатели-эмигранты передали на хранение в библиотеку свои архивы, но после вступления гитлеровцев в Париж по приказу А. Розенберга, считавшегося ценителем «россики», библиотека была вывезена в Германию.

Повествование о Тургеневке И. Эренбург завершает рассказом посетившего его в конце войны советского офицера. Последний принес мемуаристу несколько его старых

писем из архива парижской библиотеки. По словам офицера, на одной из немецких железнодорожных станций он обнаружил распотрошенные ящики: русские книги с библиотечными парижскими штампами, рукописи, письма, валявшиеся на земле. Таков был, заключает писатель, «конец Тургеневской библиотеки».

Печальное известие о ее ликвидации гитлеровцами тяжело переживалось многими эмигрантами. «Горе русских в Париже», «Гибель библиотеки», «Хождение по мукам» — вот заголовки некоторых статей, появившихся по этому поводу в русской зарубежной печати.

Но, к счастью, сообщение о конце уникального книжного собрания оказалось не совсем точным. Возможно, как раз осознание тяжести такой утраты и помогло группе энтузиастов-«тургеневцев» восстановить библиотеку. Ведь недаром русский прозаик М. Осоргин, обращаясь к истории этого уникального культурного института и как бы предвидя его нелегкую судьбу, писал в самый канун войны: «Тургеневская библиотека — учреждение старое, чисто культурное... По историческим данным и по преданиям, ее посещали, кроме Тургенева, Лев Толстой, Достоевский и еще много русских писателей прошлого и современности, ее созданию отдавали силы Герман Лопатин и Петр Лавров, в ней работал и Ленин. Она — памятник русской культуры в Париже целого ряда эпох и им должна остаться в будущем». Из материалов, помещенных в рецензируемом мемориальном сборнике, явствует, что библиотека, вывезенная нацистами в Германию, не погибла полностью, часть книг (около 5 тысяч томов) была впоследствии возвращена в Париж, к ним прибавились и некоторые другие русские зарубежные собрания, утратившие своих хозяев (например, библиотека имени Герцена в Ницце). Они-то и составили ядро обновленной Тургеневки, возродившейся в 1959 году. За минувшие десятилетия библиотека значительно увеличила свой книжный фонд. Регулярно поступают сюда наряду с другими литературными новинками и советские издания.

Парижский сборник составлен из разных и довольно пестрых материалов. Тут и библиографические отчеты, и воспоминания, написанные специально для сборника некоторыми хранителями, вернее, хранительницами этого редкостного книжного собрания, поскольку за последние десятилетия ими были преимущественно женщины: М. П. Котляревская, Л. В. Чехова-Шейнис, Т. А. Осоргина, Т. А. Гладкова. Любопытный факт: наиболее читаемыми в эмигрантской среде (исключая писателей-классиков, которые лидируют в этом перечне) были авторы исторических романов — М. Алданов и С. Минцлов... Через весь сборник проходит мысль о значительной роли библиотеки как своего рода очага русской культуры за рубежом.

Эту миссию библиотека продолжает выполнять и ныне. В частности, многие годы она ведет библиографическую работу по учету и систематизации русских изданий за границей. Итогом этого труда явился обширный библиографический справочник «Русская эмиграция. Журналы и сборники на

русском языке. 1920—1980», недавно изданный Тургеневской библиотекой совместно с Институтом славяноведения в Париже. Это объемистый справочный свод, в котором учтено подавляющее большинство журнальных публикаций А. Аверченко, М. Алданова, И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, В. Набокова, М. Осоргина, А. Ремизова, Тэффи, В. Ходасевича, И. Шмелева и других выдающихся писателей-эмигрантов. Теперь, когда в отечественную культуру начинают возвращаться многие имена из этого списка, долгое время искусственно отторгнутые от своего читателя на родине, такой справочник явится полезным подспорьем для наших литературоведов, критиков, издателей.

С. Ларин.

★

П. К. ЧУДИНОВ. Иван Антонович Ефремов. 1907—1972. М. «Наука». 1987. 224 стр.

О нем говорили: удачник. И впрямь, все тридцать с лишним экспедиций, в которых ему довелось участвовать (а маршруты их пролегли по горным тропам Урала и Дальнего Востока, таежным чащобам Сибири, степям Оренбуржья, знойным пескам пустыни Гоби), завершались успехом. Открытие новых месторождений, гигантских кладбищ динозавров, составление основополагающих геологических карт тех мест...

Сам он объяснял собственную удачливость тем, что неизменно отправлялся в путь с верой в успех. Но дело, разумеется, не только в этом. Как напоминают нам слова одной песни, «удача — награда за смелость». Помимо храбрости, мужества, без которых в дальних экспедициях было не обойтись, И. А. Ефремову была присуща смелость мысли. Из каждой экспедиции он привозил, помимо образцов минералов и ископаемых останков, свежие идеи, которые становились либо фундаментом, либо подкреплением нетривиальных, новаторских теоретических построений и обобщений. А еще — заметки, наблюдения, темы для будущих рассказов, повестей и романов...

Почти каждый читающий скажет вам, кто написал «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Таис Афинскую». Автора же монографии «Тафономия и геологическая летопись» назовут разве что ученые-палеонтологи да кое-кто из геологов, хотя ее выход в свет знаменовал собой рождение новой научной дисциплины, находящейся на стыке биологии, геологии и палеонтологии, — тафономии, учения о закономерностях захоронения органических остатков. А между тем и то и другое принадлежит перу одного человека — доктора биологических наук, профессора палеонтологии Ивана Антоновича Ефремова.

Литературному творчеству И. Ефремова посвящены статьи и книги. Что же касается его научной деятельности, она широкой

публике почти неизвестна. Тем с большим интересом открываешь книгу П. Чудинова. Хотя автор не литератор и не популяризатор науки, а ученый-палеонтолог, книга, при всей ее научной доброкачественности, не страдает академической сухостью. Будучи учеником, ближайшим сподвижником и другом Ефремова, П. Чудинов в каждую строку вкладывает искреннее тепло, стремясь передать читателю свое пристрастное, в лучшем значении этого слова, отношение к герою, восхищение им.

Рассказ о научной деятельности Ефремова автор начинает с его знакомства с академиком П. П. Сушкиным, у которого пятнадцатилетний юноша, заинтересовавшийся статьей в журнале «Природа» за 1922 год о коллекции уникальных ящеров с севера России, попросил аудиенции. Эта встреча определила дальнейшую судьбу молодого человека, отдавшего свое сердце палеонтологии. При всем том научные интересы Ефремова оставались на удивление широкими — от изучения ископаемых позвоночных до космических исследований (одна из его статей, «удивительно яркая», по оценке академика Б. С. Соколова, так и называлась: «Космос и палеонтология»), от зоологии до экологии, от археологии до футурологии.

«Жизненность творчества Ефремова, — пишет автор, — в его философской позиции гуманизма и социального оптимизма. То и другое вытекает из его мировоззрения ученого и всегда найдет отклик и понимание вдумчивого читателя».

Наука и литература переплелись в творчестве Ефремова неразрешимо, одно оплодотворялось другим. Уже первые, «геологические», рассказы («Алмазная труба», «Белый Рог», «Юрта Ворона» и другие), основанные на автобиографическом материале, на личном опыте, вынесенном из экспедиций, наполнены вымыслом, фантазией, которые, однако, не уводят от реальности, становясь источником научного предвидения. Так, фантастическая гипотеза писателя о месторождении якутских алмазов, изложенная в рассказе «Алмазная труба», нашла впоследствии практическое подтверждение. Другой пример. Рассказ Ефремова «Тень минувшего» побудил советского ученого Ю. Н. Денисюка заняться проблемой объемного изображения, которая в конце концов привела к созданию знаменитой голографии. Многие ли писатели-фантасты могут похвастать тем, что их идеи вдохновили ученых, инженеров, геологов на поиски, завершившиеся конкретными открытиями, практическими результатами?..

В краткой рецензии невозможно, да и вряд ли нужно, рассказывать обо всем богатом научном наследии Ефремова. Хочется лишь заверить читателей, далеких от геологии и палеонтологии, что отсутствие специальных знаний не помешает им с интересом и с пользой прочесть эту книгу.

И. Зорич.